

Источник: Вехи Таганрога

Дата выпуска: 2003

Номер выпуска: 18

Заглавие: Первый русский джазмен

Автор: А. Цымбал

Всякий раз, открывая новые незаурядные судьбы таганрожцев, хочется вслед за Чеховым воскликнуть: «Как много великих людей, однако, вышло из Таганрога!» Имена одних на слуху, их знают и помнят. О других же забыли. Их жизни оказались подобны метеоритам, сверкнувшим на полночном небе и канувшим в океан забвения. Мы считаем, что время - самый строгий и справедливый судья, расставляющий все по своим местам и воздающий по заслугам. Но так ли это? Среди общепризнанных и маститых нет просто «раскрученных». А другой что-то не досказал или сказал лишнее, не осуществил, не с тем поспорил, промолчал, когда надо было заявить о себе и вот нет его, этого хрупкого и талантливого человека, он исчез, растворился во времени. «Замечательные люди исчезают у нас, не оставляя следов», - еще до недавнего времени эти слова Пушкина как нельзя более подходили к удивительной, яркой личности Валентина Яковлевича Парнаха, уроженца Таганрога, представителя культурной и талантливой семьи города.

Таганрогские еврейские семьи конца XIX века - это особый феномен. Целые поколения из них уходило в науку, искусство, литературу. Общей тенденцией для них было стремление дать детям образование, приобщить их к ценностям мировой, в первую очередь, русской культуры.

Конечно, все это находит объяснение в том, что после отмены крепостного права процесс интеграции евреев в российское общество значительно усилился. Для многих еврейских семей русский язык стал основным, они оторвались от родной среды, постепенно переходя в среду русскую, и не могли испытывать огромного влияния русской культуры, вышедшей в то время на мировой уровень.

Дети таганрогских портных, аптекарей, торговцев, врачей уезжали в Петербург и Москву продолжить учебу и становились учеными, журналистами, юристами, врачами, писателями и художниками.

Софья, Валентин и Елизавета, дети таганрогского аптекаря Якова Парнаха, не были в этом плане исключением. Они получили блестящее образование, стали литераторами, и каждый из них оставил свой след в культурной жизни России первой половины XX века. Но прежде чем говорить об этом, обратимся к истории семьи Парнах.

В Таганроге Парнахи поселились в середине XIX века. Валентин Яковлевич, изучая историю своего рода, выяснил, что его предки бежали в XV веке от ужасов испанской инквизиции. Многие еврейские семьи, спасаясь от преследований, достигли границ Российской империи уже в XIX веке. Более половины таких евреев оказались жителями России. В Таганроге с середины XIX века тоже наблюдался значительный рост численности еврейского населения. Именно в это время Парнахи стали жителями Таганрога. В 1865 году попечителем молитвенного еврейского дома стал Зильман Парнах, дед Владимира Яковлевича. Кстати, фамилия писалась в разных источниках по-разному: Парнах, Парнох и даже Парнок (псевдоним, взятый Софьей Яковлевной). Семья была состоятельной, и традиционным занятием для них была медицина. Яков Парнах владел аптекой, а его жена была одной из первых женщин в Таганроге, получивших профессию врача. Она умерла 14 июня 1891 года при родах близнецов Валентины и Елизаветы. Старшей дочери Парнахов - Софье, к этому моменту исполнилось шесть лет.

Оставшись с тремя малолетними детьми на руках, Яков Парнах не долго нес бремя вдовства и вскоре женился. Судя по некоторым фактам биографии Парнахов, каждому из детей не очень хватало материнского тепла и нежности, поэтому была в них какая-то душев-

ная смута и неприкаянность. Но в то же время навряд ли они были Золушками при злой мачехе. Глубокая образованность, высочайший уровень эрудиции, отличавший и сестер, и брата, были следствием большой заботы родителей об их образовании. Все дети хорошо учились в гимназиях, занимались музыкой, хорошо знали языки.

Первой оставила родительский дом старшая сестра Софья. Окончив гимназию, она уехала в Женеву, где посещала курсы при консерватории и юридическую школу. Вернувшись в Россию, Софья Яковлевна сумела занять заметное место в кругу московских литераторов. Она писала стихи, детские рассказы, критические статьи, переводила французских поэтов. Ее творчество высоко ценили коллеги по перу: «Ее стихи, всегда умные, всегда точные, с некоторой склонностью к неожиданным рифмам, имели как бы особый свой почерк и отличались той мужественной четкостью, которой так недостает именно поэтессам» (В. Ходасевич). Но широкой публике Парнок (так она стала писать свою фамилию после того, как приняла православие) известна не столько своим творчеством, сколько благодаря страстному роману с Мариной Цветаевой. Знаменитая поэтесса посвятила любимой Сонечке поэтический цикл «Подруга», один из самых страстных и нежных в русской поэзии начала XX века.

Валентин и Елизавета Парнахи, вдохновленные примером старшей сестры, также после окончания гимназии, посвятили себя литературным занятиям. Елизавета Тараховская (по мужу) известна как детская писательница, писавшая пьесы для детей. Она прожила долгую жизнь, пережив сестру и брата, о которых вспоминала редко и с неохотой.

Несомненно, что из всей семьи Валентин был самой колоритной и яркой фигурой. Исследователь русского джаза Алексей Баташёв так писал о В.Я. Парнахе:

«Великие люди могут неважно рисовать или посредственно слагать стихи. И оказывать ощутимое влияние на творчество и искусство. Парнах как раз такой... Просто непомерно велика степень забвения этого незаурядного человека».

Уже в гимназические годы мечтательный юноша увлекся искусством, историей, литературой, очень много читал и начал писать стихи. Окончив с золотой медалью таганрогскую гимназию, он поступил в С.-Петербургский университет, сначала на юридический факультет, потом на романское отделение историко-филологического. Одновременно с учебой в университете он занимался музыкой под руководством профессора М.Ф. Гнесина и драматическим искусством в студии В.Э. Мейерхольда. В это время В. Парнах входит в круг русских литераторов, знакомится с А. Блоком, О. Мандельштамом, Н. Гумилевым и другими знаменитыми поэтами. В 1913 году он впервые публикует свои стихи в акмеистском журнале «Гиперборей». В первых стихах Парнаха слышалась гриновская жажда романтических заморских странствий. Таганрог, город детства и юности, мелькает во многих его произведениях первыми музыкальными и театральными впечатлениями, образами парусников и иностранных моряков.

*Провинциальный театр.
Полк удаляется все более.
В бодрящем дребезжанье труб
О, затуханье меланхолии.
Обрывков маршей поутру...
Играют марш в однообразии,
Заброшенный как Таганрог
И вновь учеником гимназии
Сижусь я в ложе, тверд и строг.*

(«Театр», 1913г.)

Образ пограничного поста Ойкумены, дальней окраины пестрого мира Средиземноморья,

овеянный романтической дымкой, напоминает скорее некий Зурба-ган, чем реальный, прозаический Таганрог.

*Мой сон - закаты, гавань Таганрога,
Дух корабельных смол,
Холмы, маяк, веселая дорога
И одинокий м.ол...
О, пароходы греков и фелуки,
О, старых бухт приют,
Где враз сирены почтовой разлуки,
Как вопли строф, поют.*

(«Таганрог», 1914 г.)

Парнах не любил Петербург, снег, не чувствовал красоты северной природы; его отношения с русской исторической и бытовой стихией были весьма противоречивы. Его влекла родина предков и интересовали судьбы вечно гонимого племени. В отличие от сестер он гордился своим иудейским происхождением.

В 1913 году, как и положено поэту, налегке, Валентин Парнах отправился в странствия. Он побывал в Италии, Палестине, Испании, Лондоне, наконец, осел в Париже. Здесь он поселился у своих друзей - художников Михаила Ларионова и Натальи Гончаровой в крошечной мансарде. Целыми днями молодой поэт работал в библиотеке Сорбонны, отыскивая стихи средневековых поэтов, сгинувших в застенках инквизиции. А по вечерам его захватывал карнавальный мир парижских кафе, где собирались поэты и художники со всего света, пророки нового искусства, полные гениальных замыслов. Его часто видели в кафе «Ротонда» - этом средоточии новой поэзии и искусства. Здесь кипели споры, рождались манифесты авангардных направлений, а среди посетителей можно было увидеть Гумилева, Ахматову, Волошина, Эренбурга, Анненкова, Кандинского, Модильяни, Пикассо, Кокто и др. Парнах часто читал перед посетителями кафе свои стихи и был избран председателем «Палаты поэтов». В 1919 году в Париже вышли два его поэтических сборника с рисунками Н. Гончаровой, через два года еще один с портретом автора работы Пикассо.

Можно сказать, что в это время В.Я. Парнах находился в эпицентре культурной жизни Европы. И был не просто созерцателем, но и активным участником процесса созидания нового искусства. Многие из его стихов имеют посвящения, по которым можно составить представление о круге общения и духовных ориентирах поэта: А. Блок, В. Мейерхольд, О. Мандельштам, Л. Гудиашвили и т. д. Но вот что парадоксально - ни у одного из парижских знакомых Парнаха, близко знавших и общавшихся с ним постоянно (И. Эренбург, М. Волошин, Ю. Анненков, Л. Гудиашвили), в воспоминаниях нет ни одного упоминания о поэте. Его образ все время как бы ускользает. И в то же время в русской литературе он остался. У О. Мандельштама есть повесть «Египетская марка». Странное сюрреалистическое произведение, по словам самого автора, - «петербургский инфлюэнцный бред». Ее главный персонаж - Парнок, карикатурная зарисовка с натуры, в котором современники узнали многие характерные черты В.Я. Парнаха. С другой стороны некоторые восприняли его как «alter ego» самого Мандельштама. Но в поэтах было заметно не только внешнее, но и некое внутреннее сходство - эстетизм, безысходность, увлеченность древней историей и, одновременно, страстный интерес ко всему новому в искусстве и литературе и мн. др.

«Жил в Петербурге человек в лакированных туфлях, презираемый швейцарами и женщинами. Звали его Парнок... Больше всего на свете он боялся навлечь на себя немилость толпы... Есть люди, почему-то неугодные толпе; она отмечает их сразу, язвит и шелкает по носу! Перед нами предстает образ рефлектирующего, слабого, суетливого интеллигента. Таких толпа действительно не любит... «Господи! Не сделай похожим меня на Парнока!» - как

много личного в этом восклицании Мандельштама, чувствовавшего, видимо, кровное родство со своим героем и его прототипом. Отзвук сложных отношений с ним - и есть в чем-то разгадка умолчания современников о В. Парноке.

В июле 1921 года в жизни нашего героя произошло знаменательное событие - в парижском клубе «Трокадеро» он впервые услышал джазовый оркестр «Короли Луиса Митчелла» и сразу понял, какая музыка должна звучать сейчас. Парках посвящает джазу стихи и публикует в журнале «Вещь», издаваемом Ильей Оренбургом первую заметку о джазе на русском языке. В его транскрипции это слово и сейчас используется нами.

1920-е годы - это эпоха джаза, и Парнах, как никто другой, чувствует это, рассматривая джаз не только как музыку, но и как социокультурный феномен. И место этому феномену было в России, где начиналась новая эпоха.

Закупив полный набор инструментов для джаз-банды, Парнах в 1922 году приезжает в Москву. Его появление в пролетарской столице вызвало сенсацию. Он выступал с докладами, его статьи выходили одна за другой, вызывая огромный интерес. Из них можно было узнать последние новости о мировом кино, поэзии, музыке, театре. Парнах обучал столичную молодежь модным танцам: фокстроту, шимми, данс-степу; был хореографом спектаклей Мейерхольда. Среди его учеников были С. Эйзенштейн, И. Ильинский, М. Бабанов, Г. Козинцев, Е. Габрилович.

Вспоминается пьеса «Клоп» Маяковского, главный герой которой - Присыпкин, под руководством своего учителя Баяна, овладевает «сложной наукой» новых танцев и манер, и узнает от него о некоем знаменитом поэте, написавшем неизвестно что и обучающем молодежь «кого стихам, кого пению, кого танцам, кого так... деньги занимать». Знакомая тень промелькнула за этой фразой в знаменитой пьесе пролетарского поэта.

В сенсационном приезде Парнаха в Москву усматривают и некое подобие явления Воланда. Лакированные башмачки, которые бросались в глаза всем знавшим Парнаха, так напоминали копытца (вспомним «Египетскую марку» Мандельштама). Эта деталь не дает покоя искателям прототипов. А, впрочем, как знать? Парнах со своими эксцентрическими танцами и джазом так потряс умы, что снискал себе не только толпу поклонников, но и столько же ярких критиков, видевших в джазе - порок, упадок, вульгарность, а в его апологете - «самое исчадие ада».

Первое явление джаза в России состоялось 1 октября 1922 года. Выступление джаз-банды В. Парнаха было ошеломительным. Концерты его проходили с огромным успехом; он участвовал в спектаклях Мейерхольда, карнавальных шествиях на 1 мая, играл перед делегатами V съезда Коминтерна (I).

Но вскоре увлечение джазом у Парнаха прошло, и он вернулся к литературной работе. Валентин Яковлевич уехал в Париж и завершил грандиозный труд своей жизни - книгу об узниках инквизиции. Это уникальное издание - плод подвижнического труда, извлечший из тьмы забвения десятки имен поэтов-уников религиозного фанатизма, - осталось неоцененным по достоинству. Вернувшись из Парижа в Москву, Парнах издал свой труд в 1925 году и затерялся в толпе литераторов, живших за счет литературных переводов. Благо блестящее знание испанского, португальского, древнегреческого, немецкого, французского делало его незаменимым специалистом. Но в специалистах такого рода Страна Советов особо не нуждалась. Поэтому Парнах, как и многие его коллеги по поэтическому цеху (Мандельштам, Цветаева и др.), влачил нищенское существование.

Последний раз призрак странного человека, сверкнувшего на небосклоне русской культуры XX века, появляется на страницах воспоминаний Гладкова, описывающего эвакуационный быт советских писателей в Чистополе и столовую Литфонда, где все они встречаются. Здесь бывший джазмен работал гардеробщиком за кусок хлеба. «Валентин Парнах, маленький, с несчастным, как бы застывшим лицом, с поднятым воротником помятого, когда-то щегольского пальто, в коричневой парижской шляпе, одиноко стоит здесь

в углу с утра до часа, пока столовая закрывается, ни с кем не разговаривая». Сколько трагизма в этой фигуре никому не нужного забытого поэта. Умер В.Я. Парнах 29 января 1951 года. Его прах покоится на Новодевичьем кладбище.

Есть люди, подобные парусам. Они ловят ветры истории, с энтузиазмом воспринимают все новое в общественной жизни, культуре, искусстве, науке и устремляют вперед корабль человеческой цивилизации. Валентин Парнах был одним из таких людей. Несмотря на неполную реализованность, забвение, его можно считать счастливым человеком. Он оказался в самом эпицентре культурной жизни, в невероятно интересный момент истории. Но когда ее ветры сменили свое направление, В. Парнах спустил парус и ушел в изгнание - «в себя». Эта «внутренняя эмиграция» помогла ему выжить в 1930-1950-е годы, но увлекла его образ в пучину забвения.